

РИММА МОДАРОВА

A romantic couple is shown in a cold, dark blue environment, likely water. The woman, with long brown hair and eyes closed, is wearing a white, wet, off-the-shoulder dress. She is being held from behind by a man with long, dark, wet hair. His face is partially visible as he leans in to kiss her neck. The water around them is splashing, creating a sense of movement and coldness. The overall mood is intimate and tender despite the harsh environment.

ХОЛОД ТВОИХ РУК

Римма Модарова

Холод твоих рук

<https://litres.ru/74258188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые тайны не исчезают со временем. Они просто становятся глубже.

Ева давно научилась жить с тем, что потеряла. Но когда прошлое снова напоминает о себе, ей приходится столкнуться с тем, от чего она когда-то пыталась убежать.

В маленьком городе, где каждый хранит свои секреты, а молчание иногда говорит больше слов, Ева встречает человека, который кажется ей одновременно самым опасным и самым близким.

Чем дальше она заходит, тем меньше понимает, где заканчивается правда и начинается то, во что невозможно поверить.

Некоторые встречи меняют жизнь.

Некоторые тайны требуют слишком высокой цены.

А некоторые чувства появляются именно тогда, когда их меньше всего ждёшь.

«Холод твоих рук» — история о прошлом, которое не отпускает, о выборе, который нельзя избежать, и о человеке,

который может стать как спасением, так и самой большой загадкой.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Девушка, которая искала дно	10
Глава 2. Человек, который боялся глубины	20
Глава 3. Туда, где вода помнит	27
Глава 4. Следы на старой барже	35
Глава 5. Шторм	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Римма Модарова

Холод твоих рук

Пролог

Пять лет назад...

Алексей Воронцов не был человеком, который легко пугался.

За десять лет работы инструктором по дайвингу он видел многое: людей, которые переоценивали себя, подводные пещеры, где темнота казалась живой, тела погибших, которые находили спустя месяцы после исчезновения.

Он знал страх.

Но это было другое.

Это было ощущение, будто озеро знало, что он здесь.

Будто оно заметило его.

Алексей медленно развернулся, направляя фонарь в сторону темной воды.

Луч дрожал.

Не от его руки.

От холода.

В глубине что-то двигалось.

Он задержал дыхание.

Медленно.

Очень медленно.

Из темноты показалась рука.

Человеческая.

Белая.

Она лежала на корпусе баржи, пальцы сжимали ржавый металл.

Алексей застыл.

Его первый инстинкт говорил: подплыть.

Проверить.

Помочь.

Но разум кричал обратное.

Потому что эта рука была неправильной.

Слишком бледной.

Слишком неподвижной.

И находилась она там, где не мог находиться живой человек.

Алексей нажал кнопку связи.

— База, ответьте.

Только помехи.

— База, у меня проблема.

Шипение.

Потом в наушниках появился звук.

Тихий.

Почти неслышный.

Словно кто-то говорил прямо ему в ухо.

— Не надо было приходить.

Алексей резко дернулся.

Он не понял, откуда пришел голос.

Из рации?

Из воды?

Из его собственной головы?

Он начал подниматься.

Медленно.

Без паники.

Паника под водой убивает быстрее всего.

Но когда он развернулся, перед ним оказался силуэт.

Всего в нескольких метрах.

Человек.

Или что-то очень похожее на человека.

Высокий.

Светлая кожа почти сливалась с мутной водой.

Темные волосы плавно двигались вокруг лица.

Глаза...

Алексей не успел разглядеть глаза.

Потому что существо исчезло.

Не уплыло.

Не скрылось.

Просто исчезло.

Как будто вода забрала его обратно.

Алексей почувствовал движение рядом.

Слишком близко.

И тогда холодные пальцы сомкнулись вокруг его запястья.

Он дернулся.

Фонарь выпал из руки.

Луч света упал вниз и осветил дно.

На несколько секунд.

Этого хватило.

Там были люди.

Десятки.

Нет.

Сотни.

Они лежали под слоем ила, словно спали.

С открытыми глазами.

Алексей хотел закричать.

Но вода забрала звук.

Последнее, что он увидел перед тем, как темнота поглотила его, — лицо существа перед собой.

И странное выражение в его глазах.

Не злость.

Не ненависть.

Скорее...

Сожаление.

Пять лет спустя

Ева Воронцова всегда ненавидела туман.

В детстве ей казалось, что он красивый.

Она любила смотреть, как белая дымка опускается на воду ранним утром, как берег исчезает, а лодки становятся похожими на призраков.

После смерти брата туман перестал быть красивым.
Теперь он всегда напоминал ей одно:
что иногда вещи исчезают не потому, что их больше нет.
А потому, что вода решила их забрать.

Глава 1. Девушка, которая искала дно

«Некоторые люди приходят в нашу жизнь как спасение. А некоторые — как предупреждение. Самое страшное, когда ты не понимаешь, кто перед тобой, пока уже слишком поздно.»

Пять лет спустя.

Ева Воронцова просыпалась от одного и того же сна.

Ей всегда снилась вода.

Не море. Не река. И даже не озеро.

Именно это место.

Старое водохранилище.

Там, где под толщей воды осталась деревня, которой больше не существовало.

Во сне она стояла на берегу и смотрела вниз.

Вода была абсолютно спокойной.

Слишком спокойной.

А потом кто-то звал ее.

Не голосом.

Шепотом.

Ева...

Она всегда просыпалась в тот момент, когда чувствовала прикосновение к руке.

Холодные пальцы.

Каждый раз одинаково.

Она открыла глаза.

Комната была темной.

За окном шел дождь.

Осень в их городе никогда не приходила постепенно.

Она просто однажды просыпалась утром и обнаруживала, что лето закончилось.

Ева посмотрела на часы.

Пять сорок.

Через двадцать минут нужно было быть в гавани.

Она могла бы поспать еще.

Могла бы остаться дома.

Но пять лет назад она дала себе обещание.

И обещания были единственным, что еще держало ее на месте.

Город назывался Северный Берег.

Небольшой прибрежный поселок, который когда-то появился благодаря реке, а потом изменился после строительства водохранилища.

Старики до сих пор называли его иначе.

Старое Озеро.

Они говорили, что у воды есть память.

Ева раньше смеялась над этим.

Теперь нет.

Ее маленькая школа дайвинга находилась рядом с портом.

Вывеска была старая.

Краска облупилась.

Но Ева не меняла ее.

Когда-то здесь работал ее брат.

Алексей.

Он был человеком, которого любили все.

Легким. Веселым.

Из тех людей, которые могут заговорить с незнакомцем в очереди и через пять минут узнать всю его жизнь.

Ева была совсем другой.

Она всегда думала, что они с братом как огонь и лед.

Она ошибалась.

Потому что лед тоже может гореть.

Просто никто не замечает этого сразу.

Она открыла дверь базы.

Внутри пахло солью, резиной и старым деревом.

Запах прошлого.

Ева включила свет.

На стене висела фотография.

Алексей.

Улыбающийся.

С аквалангом за спиной.

Она не смотрела на нее долго.

Никогда.

Потому что стоило задержать взгляд — и пять лет исчезали.

И она снова становилась девочкой, которая ждала брата у окна.

— Ты опять пришла раньше всех.

Ева резко обернулась.

В дверях стоял Сергей — ее помощник.

— А ты опять опоздал.

Он посмотрел на часы.

— Пять минут.

— Для моря пять минут достаточно, чтобы убить человека.

Сергей вздохнул.

— Иногда мне кажется, что ты разговариваешь с водой больше, чем с людьми.

Ева отвернулась.

— Вода хотя бы не врет.

Именно в этот момент она еще не знала, что сегодня встретит человека, который станет самым большим обманом в ее жизни.

И самым большим ее спасением.

Ева никогда не любила порт.

Слишком много людей.

Слишком много разговоров.

Слишком много лжи.

Море, реки, озера — все они казались ей честнее. Вода могла быть жестокой, могла забрать человека за одну секунду, но она никогда не притворялась доброй.

Люди же умели улыбаться, когда уже держали нож за спиной.

Она вышла из здания школы дайвинга и посмотрела на причал.

Утро было серым.

Над водой висел низкий туман. Он цеплялся за лодки, за канаты, за старые деревянные сваи.

Ева ненавидела такие дни.

В такие дни ей всегда казалось, что озеро что-то скрывает.

Или кого-то.

— Воронцова.

Она узнала голос еще до того, как обернулась.

Андрей Лазарев.

Сын владельца крупнейших доков в городе.

И человек, которого она не хотела видеть с самого утра.

Он шел по причалу в дорогой куртке, слишком чистой для этого места, и с той самоуверенной улыбкой, которая раздражала Еву больше всего.

За ним двое рабочих тащили оборудование.

— Что тебе нужно? — спросила она.

Андрей остановился.

— Доброе утро тоже можно сказать.

— Можно.

Она посмотрела на его людей.

— Но я решила не тратить время.

Улыбка на его лице стала шире.

— Все такая же приятная.

— А ты все такой же бесполезный.

Рабочие тихо переглянулись.

В этом городе все знали Еву Воронцову.

И почти все старались держаться от нее подальше.

Она не была злой.

Просто после смерти брата в ней осталось слишком мало терпения.

— Я пришел предупредить, — сказал Андрей.

— Ты?

— Да. Представь себе.

Ева скрестила руки.

— Слушаю.

Он посмотрел в сторону воды.

— Сегодня вечером будет шторм.

Она бросила взгляд на небо.

— Я умею смотреть прогноз.

— Тогда должна понимать, что выходить на озеро опасно.

Ева промолчала.

Андрей заметил это.

— Ты опять собираешься туда?

Она не ответила.

И этого было достаточно.

Его выражение лица изменилось.

— Ева...

— Не начинай.

— Я серьезно.

— Как и я.

Она прошла мимо него к лодке.

— Пять лет прошло.

Ева остановилась.

Но не обернулась.

— Для тебя, может быть.

Несколько секунд было тихо.

Даже шум порта словно отступил.

— Твой брат погиб из-за ошибки, — сказал Андрей мягче. — Ты не найдешь там ничего.

Ева медленно повернулась.

Ее взгляд был холоднее воды за его спиной.

— Ты уверен?

Андрей ничего не ответил.

И именно это ей не понравилось.

Потому что люди, которые говорят правду, обычно не бо-
ятся вопросов.

Она отвязала свою старую моторную лодку.

Корпус был поцарапанным, краска местами облупилась,
двигатель требовал постоянного ухода.

Но эта лодка была единственным, что осталось после бра-
та.

Алексей называл ее «Упрямой».

Ева считала, что название идеально подходит.

Она залезла внутрь и открыла металлический ящик под сиденьем.

Там лежала старая фотография. Баржа. Дата. Координаты.

И запись, сделанная рукой Алексея.

«Если я прав — причина не в оборудовании».

Ева провела пальцем по этим словам.

Она знала почерк брата лучше собственного.

Он никогда не писал без причины.

Кто-то солгал.

И она собиралась узнать кто.

В этот момент со стороны большого причала раздался звук двигателя.

Не обычный.

Слишком мощный.

Ева подняла голову.

К ее лодке приближался черный катер.

Новый.

Дорогой.

Такой, который здесь мог позволить себе только один человек.

Она закрыла глаза.

— Только не это.

Катер остановился рядом.

На борту стоял мужчина.

Она раньше видела его.

Все в городе знали его.

Мирон.

Он не выглядел так, как Ева ожидала.

Она ожидала очередного богатого мальчика, который решил поиграть в опасность.

Но Мирон был другим.

Слишком спокойным. Слишком молчаливым.

На нем была темная куртка, мокрые от тумана волосы падали на лоб.

Он смотрел не на нее.

На воду.

Будто пытался услышать что-то, чего не слышали остальные.

Потом перевел взгляд на Еву.

И она впервые увидела его глаза.

Странные.

Серо-зеленые.

Почти прозрачные.

— Ты снова идешь к старой деревне, — сказал он.

Не вопрос.

Утверждение.

Ева нахмурилась.

— Мы знакомы?

Мирон посмотрел на ее лодку.

Потом на координаты в ее руках.

— Нет.

Пауза.

— Но я знаю, куда ты собираешься.

Ей не понравилось, как он это сказал.

Слишком уверенно.

— И что?

Он сделал шаг ближе.

— Не ходи туда.

Ева усмехнулась.

— Ты всегда разговариваешь с людьми так, будто они обязаны тебя слушать?

— Нет.

Он посмотрел на темную воду.

— Только когда хочу, чтобы они остались живы.

Глава 2. Человек, который боялся глубины

**«В маленьких городах секреты не исчезают.
Они просто меняют людей, которые их хранят.»**

Ева не любила людей, которые говорили загадками.
Особенно мужчин.

Особенно тех, которые появлялись на дорогах катерах посреди рабочего дня и смотрели на воду так, будто она принадлежала им.

Она окинула Мирона взглядом.

— Ты закончил?

Он не изменился в лице.

Большинство людей хотя бы немного смущались, когда Ева разговаривала с ними таким тоном.

Мирон — нет.

Он просто стоял и смотрел.

Не на нее.

Сквозь нее.

Будто пытался понять что-то, чего она сама о себе не знала.

Это раздражало.

— Я не спрашивала твоего мнения, — сказала она.

— Знаю.

— Тогда зачем пришел?

На секунду его взгляд стал тяжелее.

— Потому что знаю, что там.

Ева почувствовала, как внутри что-то напряглось.

— Что именно?

Мирон молчал.

И это молчание ответило лучше любых слов.

Он что-то скрывал.

— Ты был там? — спросила она.

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Ева замерла.

— Когда?

— Давно.

— Насколько давно?

Он отвернулся к воде.

— Достаточно.

Она сжала пальцы.

— Ты знаешь, что случилось с моим братом?

Впервые за весь разговор выражение его лица изменилось.

Всего на мгновение.

Но она заметила.

Боль. Не страх. Не вина. Именно боль.

— Я знаю, что там нельзя находиться.

Ева усмехнулась.

— Удобный ответ.

— Это правда.

— Нет. Это не ответ.

Она шагнула ближе.

— Пять лет назад там погиб мой брат. Все сказали, что это была ошибка. Что он сам виноват. Что он полез туда, куда не стоило.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Но ты знаешь больше.

Мирон ничего не сказал.

И это окончательно разозлило ее.

— Отлично.

Она отвернулась и начала проверять двигатель.

— Тогда можешь идти.

— Шторм будет раньше, чем обещают.

Ева не подняла головы.

— Я видела прогноз.

— Нет.

Его голос стал тише.

— Ты не понимаешь.

Она остановилась.

— Что именно я не понимаю?

Мирон посмотрел на небо.

На тучи, которые медленно собирались над озером.

— Это не просто шторм.

Ева хотела спросить, что это значит.

Но не успела.

Из здания порта донесся голос:

— Мирон!

Они оба повернулись.

К ним шел мужчина лет шестидесяти.

Виктор Лазарев.

Владелец доков.

Отец Андрея.

Один из самых влиятельных людей в городе.

Он всегда выглядел так, будто контролировал все вокруг.

Людей. Деньги. Время. Даже погоду.

— Я тебя ищу уже час, — сказал Виктор.

Мирон слегка напрягся.

Ева это заметила.

Странно.

Почему человек вроде него реагировал на обычного бизнесмена так, будто тот представлял угрозу?

— Нам нужно поговорить, — продолжил Виктор.

— Не сейчас.

Ответ Мирона был холодным.

Настолько холодным, что даже Ева почувствовала.

Виктор перевел взгляд на нее.

— А это кто?

— Ева Воронцова, — сказал он.

И впервые в голосе Мирона появилось что-то похожее на предупреждение.

— Я знаю.

Виктор улыбнулся.

Но улыбка не дошла до глаз.

— Конечно знаешь.

Повисла тишина.

Ева почувствовала странное ощущение.

Будто она случайно оказалась в середине разговора, который начался задолго до ее рождения.

— У тебя дела, Мирон, — сказал Виктор.

— Нет.

— Это был не вопрос.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Потом Мирон первым отвернулся.

— Я сказал нет.

Ева удивилась.

Она ожидала, что Виктор разозлится.

Но он только усмехнулся.

— Ты всегда был упрямым.

С этими словами он ушел.

— Кто он тебе? — спросила Ева.

Мирон не ответил.

— Я спросила.

— Я слышал.

— Тогда ответь.

Он посмотрел на нее.

— Никто.

Она рассмеялась.

Коротко и без радости.

— Знаешь, что самое смешное?

— Что?

— Ты выглядишь как человек, который всю жизнь что-то скрывает.

Мирон молчал.

— И знаешь что?

Она застегнула куртку.

— Я обычно нахожу то, что люди прячут.

На его лице появилась едва заметная тень улыбки.

Не насмешка.

Скорее усталость.

— Тогда тебе придется решить, готова ли ты узнать правду.

Ева замерла.

— Почему?

Он посмотрел на озеро.

— Потому что некоторые тайны лучше оставить на дне.

Вечером она все равно собиралась выйти.

Она знала это.

Он знал это.

И озеро знало.

Ночью, когда город погрузился в сон, Мирон стоял на бе-

регу.

Один.

Вода была спокойной.

Слишком спокойной.

Он закрыл глаза.

И слышал голоса.

Не человеческие.

Старые.

Глубокие.

Они звали его.

Хранителя.

Он медленно вошел в воду.

По колено. По пояс. По грудь.

Холод должен был причинять боль.

Но он был его домом.

И когда волны сомкнулись над его головой, человек по имени Мирон исчез.

А тот, кем он был на самом деле, вернулся домой.

Глава 3. Туда, где вода помнит

«Иногда прошлое возвращается не для того, чтобы напугать нас. Иногда оно возвращается, потому что его наконец готовы услышать.»

Ева знала, что поступает неправильно.

Она знала это еще тогда, когда открывала дверь базы ночью.

Еще когда заправляла лодку.

Еще когда проверяла баллоны.

Но чувство опасности никогда не останавливало ее.

Наоборот.

После смерти брата оно стало единственным, что заставляло ее двигаться вперед.

Люди вокруг говорили:

«Оставь это».

«Прошло пять лет».

«Ты ничего не изменишь».

Они не понимали.

Потому что для них Алексей был воспоминанием.

Для нее он был человеком, который однажды утром вы-

шел из дома и больше никогда не вернулся.

В гавани было тихо.

Слишком тихо.

Обычно даже ночью здесь оставался какой-то шум: скрип канатов, удары волн о причал, голоса рыбаков.

Сегодня все будто исчезло.

Даже ветер.

Ева посмотрела на воду.

Темная поверхность казалась бесконечной.

Она достала старую фотографию.

Баржа. Координаты. Запись брата.

Она уже сотни раз думала о том, что могла значить эта фраза:

«Если я прав — причина не в оборудовании».

В последний месяц перед смертью Алексей изменился.

Сначала она не придавала этому значения.

Он стал меньше шутить.

Чаще задерживался допоздна.

Несколько раз она заставляла его сидящим в темноте на кухне.

— Что случилось? — спрашивала она.

Он всегда отвечал одинаково:

— Ничего.

Теперь она знала.

Когда люди говорят «ничего», чаще всего это значит совсем другое.

Двигатель лодки тихо закашлялся.

— Только не сейчас, — прошептала Ева.

Она повернула ключ еще раз.

Мотор взревел.

Она выдохнула.

— Упрямая, значит.

— Как и ты.

Ева резко обернулась.

На причале стоял Мирон.

Она даже не услышала, как он подошел.

— Ты следишь за мной?

— Нет.

— Тогда почему ты здесь?

Он посмотрел на лодку.

— Потому что знал, что ты пойдешь.

Ева нахмурилась.

— Ты всегда такой странный или только со мной?

— Только с теми, кто собирается сделать что-то глупое.

Она усмехнулась.

— Тогда тебе придется часто быть рядом.

Мирон не улыбнулся.

— Ты не понимаешь, куда идешь.

— Я иду к барже.

— Нет.

Он сделал шаг ближе.

— Ты идешь туда, где твой брат умер.

Ева замерла.

От этих слов внутри что-то болезненно сжалось.

— Не говори о нем.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Тогда не говори так, будто знаешь его.

Тишина.

И впервые Мирон отвел взгляд.

— Я знаю, что он был храбрым.

Ева застыла.

— Откуда?

Ответа не последовало.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты был там.

Это был не вопрос.

Мирон молчал.

И этого было достаточно.

— Садись, — неожиданно сказала она.

Он посмотрел на нее.

— Что?

— Если ты так уверен, что там опасно, покажешь мне, где именно.

— Нет.

— Почему?

Он посмотрел на воду.

И в его глазах впервые появилась настоящая эмоция.

Страх.

Не за себя.

За нее.

— Потому что если мы туда пойдем, я не смогу защитить тебя.

Ева замерла.

Эта фраза прозвучала слишком искренне.

Без высокомерия.

Без загадки.

Просто как признание.

Но она быстро отогнала это чувство.

— Я не просила защищать меня.

— Знаю.

— Тогда?

Мирон посмотрел на нее.

— В этом и проблема.

Несколько минут они просто стояли друг напротив друга.

Потом Ева отвернулась.

— Я иду одна.

— Нет.

— Это моя лодка.

— Мне все равно.

Она раздраженно посмотрела на него.

— Ты всегда делаешь то, что хочешь?

— Да.

— Невероятно.

— Но сейчас я хочу, чтобы ты осталась жива.

Эти слова почему-то разозлили ее сильнее всего.

Потому что звучали не как приказ.

А как забота.

А заботу Ева не умела принимать.

Через десять минут лодка вышла из гавани.

Мирон стоял рядом.

Молча.

Ева несколько раз хотела сказать ему уйти.

Но не сказала.

Потому что впервые за пять лет ей было не страшно идти к этой точке.

Хотя она никогда бы в этом не призналась.

Чем дальше они уходили от берега, тем гуще становился туман.

Берег исчез.

Осталась только вода.

И две фигуры на маленькой лодке.

— Ты знаешь, что здесь была деревня? — спросила Ева.

— Да.

— Люди говорят, что ее затопили после строительства плотины.

— Так и было.

— Но?

Мирон посмотрел вперед.

— Но не все ушли.

Ева повернулась к нему.

— Что ты сказал?

Он молчал.

И в этот момент где-то далеко...

под водой...

раздался звук.

Колокол.

Один удар.

Ева застыла.

— Ты слышал?

Мирон побледнел.

Впервые за все время она увидела его по-настоящему испуганным.

— Разворачиваемся.

— Что?

— Сейчас.

— Нет.

Она поднялась.

— Мы почти пришли.

Мирон схватил ее за руку.

И Ева замерла.

Его пальцы были ледяными.

Не холодными. Ледяными.

Она посмотрела на их руки.

Потом на него.

А он медленно отпустил ее.

Слишком поздно.

Она уже почувствовала.

Что-то с Мироном было не так. Совсем не так.

Глава 4. Следы на старой барже

«Иногда самое страшное в человеке — не то, что он скрывает. А то, что о нем невозможно найти.»

Вода вокруг лодки стала другой.

Ева не сразу поняла, что именно изменилось.

Сначала ей показалось, будто стих ветер. Потом она заметила, что исчезли чайки. Еще полчаса назад они кружили над водой, кричали, дрались за рыбу у причала. Теперь не было ни одной.

Даже туман вел себя странно.

Он больше не стелился над поверхностью озера. Он словно собирался вокруг одного места — впереди, где, по старым картам, когда-то проходила главная улица затопленной деревни.

Ева машинально сбросила скорость.

Мотор заурчал тише.

— Почему мы остановились? — спросил Мирон.

Она посмотрела на навигатор.

— Мы почти на месте.

Мирон ничего не ответил.

Она украдкой взглянула на него.

За всю дорогу он произнес не больше десяти фраз. Все остальное время стоял у борта, держа одну руку на металлическом поручне и глядя в воду.

Не изучая ее.

Прислушиваясь.

Это было странное чувство. Словно он ожидал, что озеро заговорит.

Ева несколько раз ловила себя на мысли, что тоже начинает смотреть туда же.

И каждый раз злилась на себя.

Баржа показалась неожиданно.

Не целиком.

Сначала из тумана вырос торчащий из воды кусок про-
ржавевшего борта.

Потом показался искривленный кран.

Еще дальше — обломок мачты, похожий на черный крест.

— Вот она, — тихо сказала Ева.

Она заглушила двигатель.

Озеро мгновенно погрузилось в тишину.

Такую густую, что стало слышно, как капли воды медленно падают с борта обратно в озеро.

Мирон поднял взгляд.

Его лицо стало совершенно неподвижным.

Ева заметила, как напряглась его челюсть.

Он узнал это место.

Не просто узнал.

Он не хотел здесь быть.

— Это здесь погиб Алексей, — сказала она.

Мирон медленно закрыл глаза.

Всего на секунду.

Но Ева успела увидеть, как глубоко он вдохнул.

— Да.

Она резко повернулась к нему.

— Откуда ты знаешь?

Он открыл глаза.

— Весь город знает.

— Нет.

Ева покачала головой.

— Не так.

Она сделала шаг вперед.

Лодка качнулась.

— Ты сказал это так, будто был здесь.

Мирон молчал.

Она подошла ближе.

— Ты был?

Несколько долгих секунд он смотрел ей в глаза.

Потом тихо произнес:

— Иногда молчание — единственное, что остается человеку.

Ева горько усмехнулась.

— Красиво.

— Это не попытка уйти от ответа.

— Тогда ответь.

Он отвел взгляд.

И этого оказалось достаточно.

В груди Евы вспыхнуло знакомое чувство.

Не злость.

Хуже.

Надежда.

Потому что если Мирон действительно что-то знает, знает, все эти годы она искала не зря.

Она достала из рюкзака папку в водонепроницаемом чехле.

Внутри лежали копии схем баржи, фотографии с места поисков и распечатка отчета о гибели брата.

Документ был почти выучен ею наизусть.

"Причина смерти: нарушение техники безопасности. Вероятная потеря ориентации на глубине..."

Ева сжала лист так сильно, что бумага захрустела.

— Он никогда не нарушал технику безопасности, — сказала она, почти не замечая, что говорит вслух.

Мирон не ответил.

— Он сам учил этому других.

Тишина.

— Он проверял оборудование по три раза.

Тишина.

— Он не мог просто потеряться.

Она подняла голову.

— Ты ведь тоже так думаешь.

Мирон долго молчал.

Потом очень тихо сказал:

— Нет.

Ева застыла.

— Что?

— Он не потерялся.

Сердце пропустило удар.

— Тогда что произошло?

Мирон посмотрел на темную воду за бортом.

И впервые в его голосе прозвучало что-то похожее на усталость.

— Он увидел то, чего не должен был видеть.

Ева смотрела на Мирона, не моргая.

Ей показалось, что она ослышалась.

— Что значит... увидел?

Мирон не ответил.

Он стоял к ней вполоборота, глядя на неподвижную воду.

— Мирон.

Тишина.

— Посмотри на меня.

Он медленно повернул голову.

В сером свете пасмурного утра его лицо казалось почти бескровным. Высокие скулы, темные ресницы, прямой нос.

Красивый. Слишком красивый для человека, который жил в этом сыром, продуваемом всеми ветрами городке.

Но сейчас Еву это не волновало.

— Ты сказал, что Алексей что-то увидел.

— Да.

— Что?

— Не знаю.

Она стиснула зубы.

— Ты сейчас врешь.

— Нет.

— Тогда откуда тебе известно, что дело было не в оборудовании?

Мирон опустил взгляд.

— Потому что оборудование здесь никогда не было главной опасностью.

По спине Евы пробежал холодок.

Она огляделась.

Баржа медленно покачивалась на воде. Сквозь ржавые отверстия в борту пробивались длинные темно-зеленые водоросли. Где-то внутри глухо плеснула вода.

Она впервые почувствовала, что место действительно производит странное впечатление.

Не страшное.

Неправильное.

Будто сама вода не хотела, чтобы здесь кто-то находился.

— Я спущусь, — сказала она.

Мирон резко поднял голову.

— Нет.

— Ты уже говорил.

— И повторю еще раз.

— А я повторю, что не спрашиваю разрешения.

Она присела возле баллонов и начала проверять снаряжение.

Привычные движения успокаивали.

Ремни.

Регулятор.

Манометр.

Компенсатор плавучести.

Все было исправно.

Она ощущала взгляд Мирона на своей спине.

Тяжелый.

Настороженный.

— Ты всегда работаешь одна?

— Последние пять лет — да.

— Это опасно.

— Опаснее, чем ждать еще пять лет?

Он ничего не ответил.

Ева надела жилет.

Баллон привычно лег на плечи.

Тяжесть была почти родной.

— Я пробуду под водой не больше двадцати минут.

— Пяти.

Она нахмурилась.

— Что?

— Не больше пяти минут.

— Почему?

— Потому что после этого начнется течение.

Ева тихо усмехнулась.

— Ты и гидрологией занимаешься?

— Просто знаю озеро.

— Лучше всех?

Он снова промолчал.

И это молчание раздражало сильнее любых слов.

Ева закрепила маску на лбу.

— Если через двадцать минут я не всплыву...

— Я спущусь за тобой.

Она удивленно посмотрела на него.

— Без акваланга?

На мгновение ей показалось, что он сейчас улыбнется.

Но нет.

Лицо Мирона осталось серьезным.

— Если понадобится.

Она покачала головой.

— Ты сумасшедший.

— Возможно.

— На такой глубине человек без оборудования погибнет за несколько минут.

— Возможно.

Он повторил это так спокойно, что ей стало не по себе.

Она подошла к краю лодки.

Перед прыжком всегда наступал короткий миг тишины.

Ева любила этот момент.

Когда ты еще принадлежишь воздуху.

А через секунду уже окажешься в другом мире.

Она глубоко вдохнула.

И сделала шаг вперед.

Холод ударил сразу.

Несмотря на гидрокостюм, вода словно обожгла кожу.

Ева выпустила несколько пузырей воздуха и начала медленно погружаться.

Поверхность быстро исчезла над головой.

Луч солнца растворился в мутной зеленой толще.

Внизу постепенно проступали очертания баржи.

Все было именно так, как на старых фотографиях.

Но теперь...

Теперь ей казалось, что кто-то наблюдает за ней.

Она остановилась.

Посветила фонарем вправо.

Пусто.

Влево.

Только водоросли.

«Успокойся», — сказала она себе.

«Это просто место, где погиб Алексей.»

Но сердце почему-то билось быстрее обычного.

Наверху Мирон стоял, не сводя глаз с воды.

Он видел только темную гладь.

И круги, оставшиеся после прыжка Евы.

Прошла минута.

Потом еще одна.

Ветер почти стих.

И вдруг...

На поверхности появилась длинная рябь.

Словно под лодкой что-то медленно проплыло.

Очень большое.

Мирон резко выпрямился.

Он почувствовал это раньше, чем увидел.

Из глубины пришел знакомый холод.

Такой холод чувствуют только они.

Он закрыл глаза всего на секунду.

«Нет...»

Внутри, где-то глубоко, словно прозвучал чужой шепот.

— Она здесь.

Мирон медленно сжал пальцы на борту лодки.

— Не трогайте ее.

Ответа не было.

Только новая волна.

Гораздо сильнее первой.

И тогда он понял.

Они уже проснулись.

Вода принимала чужаков неохотно.

Ева чувствовала это каждый раз, когда погружалась глубже десяти метров. Давление сжимало виски, дыхание становилось громче, а все звуки внешнего мира исчезали, словно их никогда и не существовало.

Оставалось только мерное шипение регулятора.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Луч фонаря медленно скользил по корпусу баржи.

За пять лет она успела изучить десятки фотографий этого места. Знала каждую пробоину, каждый изгиб искореженного металла, но увидеть его собственными глазами оказалось совсем другим.

Баржа выглядела огромной.

Безмолвной.

Словно лежащий на дне зверь, который давно умер, но почему-то так и не начал разлагаться.

Ева подплыла ближе.

Пальцы в неопреновых перчатках коснулись борта.

Металл был холодным.

Даже сквозь толстую ткань она почувствовала этот холод.

Станный. Неживой.

Она направила фонарь вниз.

Под баржей скопился толстый слой ила. Из него торчали проржавевшие цепи, куски деревянных балок и что-то похожее на старый якорь.

И вдруг луч света зацепился за блеск металла.

Ева замерла.

Она подплыла ближе.

Это был карабин.

Небольшой.

Покрытый ржавчиной.

Он все еще висел на стальном кольце, словно кто-то пристегнул его только вчера.

Сердце болезненно сжалось.

Она осторожно стерла пальцами налет.

На металле проступили две буквы.

A. B.

Воздух застрял в груди.

Нет.

Этого не может быть.

Она узнала его сразу.

Это был карабин Алексея.

На день рождения она сама подарила ему этот комплект.

Он тогда долго смеялся, что сестра выбирает снаряжение лучше любого магазина.

Ева дрожащей рукой провела по выгравированным буквам.

Пять лет. Пять лет он лежал здесь. И никто его не нашел.

Она быстро достала подводную камеру и сделала несколько снимков.

Потом еще. И еще. Пальцы дрожали.

"Я была права..."

"Я была права все эти годы..."

Она уже собиралась отстегнуть карабин, когда заметила еще кое-что.

На металле рядом с ним виднелись глубокие царапины.
Длинные.

Почти параллельные.

Не меньше двадцати сантиметров каждая.

Ева осторожно приложила ладонь.

Следы были шире человеческой кисти.

Она нахмурилась.

Это не мог оставить дайвер.

Не мог и якорь.

Не было ни одного разумного объяснения.

В этот момент луч фонаря дрогнул.

Не потому, что задрожала рука.

Вода вокруг неожиданно стала мутной.

Ева подняла голову.

Ил.

Она решила, что подняла его ластами.

Но через секунду поняла — нет.

Ил поднимался не снизу.

Он двигался навстречу ей.

Словно кто-то медленно шел по дну.

Она резко обернулась.

Луч света прорезал мутную воду. Никого. Только темнота.

Ева заставила себя успокоиться.

"Рыба."

"Большой сом."

"Течение."

Любое объяснение казалось лучше того, которое уже начинало рождаться в голове.

Она снова посмотрела на карабин.

Нужно забрать его.

Это доказательство.

Одно настоящее доказательство за пять лет поисков.

Она протянула руку.

И в этот момент почувствовала...

Будто кто-то смотрит ей в спину.

Не страх. Не воображение. Именно взгляд. Тяжелый. Неподвижный.

Она медленно обернулась.

Луч фонаря скользнул сквозь темную толщу воды.

Сначала ничего.

Потом...

Далеко.

На самом краю света.

Мелькнул силуэт.

Человеческий.

Высокий.

Он стоял совершенно неподвижно.

На дне.

Словно вода для него ничего не значила.

Ева замерла.

Сердце застучало так сильно, что удары отдавались в ушах.

Она моргнула.

Фигура исчезла.

Осталась только черная глубина.

Она медленно покачала головой.

"Показалось..."

Но внутри уже росло чувство, которое невозможно было заглушить логикой.

Она здесь не одна.

Наверху Мирон продолжал неподвижно стоять на корме лодки.

Он не отрывал взгляда от поверхности.

Волны едва заметно дрожали.

Это дрожание не имело ничего общего с ветром.

Он знал этот знак.

Так вода предупреждала своих.

Глубина проснулась.

Мирон медленно снял куртку и положил ее на сиденье.

Под ней был обычный темный свитер.

Ничего необычного.

Но выражение его лица изменилось.

Стало сосредоточенным.

Почти суровым.

Он тихо произнес, словно обращаясь к самому озеру:

— Только не сегодня...

Поверхность воды ответила едва заметным кругом.

И впервые за долгие годы Мирон почувствовал то, чего почти никогда не испытывал.

Страх.

Не за себя.

За девушку, которая сейчас была там, внизу, и даже не подозревала, что древняя граница между миром людей и миром глубины начинает трещать.

Ева заставила себя отвести взгляд от темноты.

Она слишком хорошо знала, что происходит с дайверами, которые начинают верить собственному страху.

Паника.

Сбитое дыхание.

Резкий подъем.

Декомпрессионная болезнь.

Под водой самым опасным противником всегда оставался не холод и не глубина, а воображение.

Она медленно вдохнула.

Воздух с тихим шипением прошел через регулятор.

Сердце понемногу успокаивалось.

«Сначала работа.»

Она снова навела фонарь на карабин.

Пять лет назад Алексей никогда бы не оставил снаряжение просто так.

Значит, что-то заставило его остановиться именно здесь.

Ева осторожно коснулась металлического кольца, к кото-

рому был пристегнут карабин.

Толстый слой ржавчины неожиданно осыпался, и из-под него показалась сталь.

Не проржавевшая.

Чистая.

Будто кольцо совсем недавно кто-то держал в руках.

Она нахмурилась.

Это было невозможно.

Металл, пролежавший столько лет под водой, не мог выглядеть так.

Ева машинально провела по нему пальцами.

Холод.

Настолько сильный, что она почувствовала его даже сквозь перчатки.

Неестественный холод.

Она быстро убрала руку.

И в этот момент компас на запястье дрогнул.

Стрелка медленно повернулась.

Замерла.

Потом начала вращаться по кругу.

Раз.

Другой.

Третий.

Ева недоверчиво постучала по стеклу.

Ничего.

Стрелка продолжала кружиться.

— Черт...

Слово растворилось в пузырях воздуха.

Она посмотрела на манометр.

Давление было в норме.

Регулятор работал исправно.

Только компас сошел с ума.

«Магнитная аномалия», — решила она.

Она читала о таком.

Редко, но случается.

Хотя...

За все годы погружений на этом озере ничего подобного не происходило.

Ева включила подводную камеру.

Экран вспыхнул.

Изображение появилось всего на секунду.

Потом покрылось рябью.

Словно старый телевизор.

Черные полосы медленно поползли по экрану.

И камера выключилась.

Совсем.

Ева несколько раз нажала кнопку.

Безрезультатно.

Батарея была заряжена еще утром.

Она проверяла лично.

В груди снова зашевелилось неприятное чувство.

Будто кто-то незаметно переставляет знакомые вещи ме-

стами.

Все вокруг еще выглядит привычным.

Но мир уже стал другим.

Она решила заканчивать.

Доказательства были.

Карабин можно будет забрать позже, подготовившись лучше.

Ева развернулась к поверхности.

И замерла.

Там, где еще минуту назад была лодка, теперь виднелось только мутное пятно света.

Она не испугалась.

Еще нет.

Просто поняла, что течение успело отнести ее чуть дальше, чем она рассчитывала.

Она сделала несколько сильных гребков вверх.

Свет стал ярче.

Но вместе с ним появилось странное ощущение.

Будто вода вокруг стала тяжелее.

Каждое движение давалось труднее предыдущего.

«Не выдумывай.»

Она снова оттолкнулась ластами.

И вдруг услышала звук.

Глухой.

Очень тихий.

Словно где-то далеко ударили по металлу.

Она остановилась.

Еще один удар.

На этот раз ближе.

Бом...

Не колокол.

Скорее протяжный звон старой корабельной цепи, качнувшейся под водой.

Ева медленно повернула голову.

Темнота.

Только темнота.

Но звук продолжался.

Бом...

Бом...

Он не пугал.

Наоборот.

В нем было что-то удивительно печальное.

Словно кто-то годами звал на помощь, прекрасно зная, что никто не ответит.

Наверху Мирон больше не мог ждать.

Он смотрел на часы.

Прошло семь минут.

Ева обещала подняться через пять.

«Она нашла что-то.»

Он почти не сомневался.

Именно так всегда происходило.

Человек видел след.

Останавливался.

Забывал о времени.

А глубина не любила тех, кто задерживался.

Мирон опустился на колени и коснулся ладонью воды.

Она была холодной.

Для любого другого — обычной осенней водой.

Для него же холод имел десятки оттенков.

Этот был тревожным.

Он чувствовал его всего несколько раз за последние сто лет.

И каждый раз после этого кто-то погибал.

Мирон закрыл глаза.

Он почти неслышно прошептал древние слова, которые давно уже никто из людей не смог бы понять.

Вода вокруг лодки едва заметно вздрогнула.

Словно прислушалась.

Ответ пришел не сразу.

Не голосом.

Ощущением.

Глубина была недовольна.

Она не хотела отпускать чужую.

Мирон открыл глаза.

Его лицо стало жестким.

— Нет, — тихо сказал он.

Слово прозвучало почти как приказ.

Ветер, которого не было весь день, внезапно качнул лодку.

По поверхности воды побежали круги.

А где-то под ними Ева почувствовала, как течение, только что тянувшее ее вниз, вдруг ослабло.

Она еще не знала, что это произошло не случайно. И уж тем более не могла догадаться, что человек, которого она считала молчаливым и упрямым незнакомцем, сейчас спорил с самой глубиной ради того, чтобы она смогла подняться на поверхность.

Когда голова Евы показалась над водой, она несколько секунд просто стояла, держась за край лодки.

Воздух показался непривычно теплым.

Она сняла загубник и глубоко вдохнула.

Мирон уже сидел на корточках у борта.

— Ты задержалась.

Не упрек.

Констатация.

Ева молча сняла маску и забросила ее на палубу.

С мокрых волос тонкими струйками стекала вода.

— Нашла кое-что.

— Вижу.

Она подняла голову.

— Что именно ты видишь?

— У тебя дрожат руки.

Ева только сейчас заметила, что действительно не может сразу расстегнуть застежку компенсатора.

Пальцы слушались хуже обычного.

Она списала это на холод.

Мирон ничего не сказал.

Просто протянул руку.

Она упрямо покачала головой.

— Сама.

Только с третьей попытки ей удалось справиться с пряжкой.

Баллон с глухим стуком лег на палубу.

Ева опустилась рядом.

Несколько минут они молчали.

Лодка медленно покачивалась на короткой волне.

Где-то далеко каркнула ворона.

Это был первый звук живого существа за последние полчаса.

Ева поймала себя на мысли, что рада его услышать.

— Что случилось? — наконец спросил Мирон.

Она посмотрела на него.

Сейчас он выглядел совершенно обычным человеком.

Темная куртка, влажные волосы, спокойное лицо.

Если бы не ледяные руки...

Она почти усмехнулась собственным мыслям.

«Ледяные руки.»

Какая глупость.

Наверное, он просто долго стоял на ветру.

— Компас сошел с ума.

Мирон никак не отреагировал.

— Бывает.

— Не бывает.

Она покачала головой.

— Я ныряю почти десять лет.

Такого не было никогда.

Он молчал.

— Потом выключилась камера.

— Села батарея.

— Она была полностью заряжена.

— Техника иногда ломается.

Ева раздраженно выдохнула.

— Ты специально все объясняешь?

Теперь он посмотрел ей прямо в глаза.

— А ты специально ищешь объяснения, которые тебя испугают?

Она открыла было рот, но промолчала.

Потому что ответ был очевиден.

Нет.

Она искала правду.

И если правда окажется страшной...

Значит, так тому и быть.

— Я нашла карабин Алексея.

Мирон замер.

Совсем незаметно.

Если бы Ева не смотрела на него в эту секунду, ничего бы не заметила.

Но она смотрела.

И увидела, как на мгновение побелели костяшки его пальцев, лежащих на борту лодки.

— Ты слышал?

— Да.

Она достала камеру.

Нажала кнопку.

Черный экран.

Еще раз.

Ничего.

— Вот.

— Она не работает.

— Именно.

Она подняла глаза.

— Но знаешь, что странно?

Мирон ждал.

— Карабин был пристегнут.

Будто брат не потерял его.

Будто...

Она запнулась.

— Будто он специально оставил его там.

Ветер усилился.

Совсем немного.

По воде побежала мелкая рябь.

Мирон перевел взгляд на горизонт.

Свинцовые облака стали ниже.

— Нам пора возвращаться.

— Еще рано.

— Нет.

— Мирон...

— Посмотри вокруг.

Ева нехотя обернулась.

Она настолько сосредоточилась на находке, что перестала замечать происходящее.

Туман сгустился.

Берега почти не было видно.

Озеро стало серым.

Тяжелым.

И каким-то пустым.

Словно они оказались в месте, где больше никого не существовало.

Даже ветер изменился.

Он больше не пах мокрой листвой.

От него тянуло холодной водой.

И старым деревом.

Запах показался Еве странно знакомым.

Она нахмурилась.

Где-то она уже чувствовала его.

Очень давно.

Потом память словно щелкнула.

Похороны Алексея.

Когда спасатели подняли его тело на берег...

От него пахло точно так же.

Холодной водой.

Речным илом.

И мокрым деревом.

Ева резко подняла голову.

Она посмотрела на Мирона.

Потом почти незаметно вдохнула.

Тот же запах.

Едва уловимый.

Настолько слабый, что обычный человек, наверное, не обратил бы внимания.

Но она помнила его слишком хорошо.

Сердце вдруг забилось быстрее.

— Мирон...

Он повернулся к ней.

— Что?

Она долго смотрела на него.

Потом покачала головой.

— Ничего.

Она не могла объяснить себе, почему этот запах заставил ее похолодеть.

И не могла знать, что впервые за пять лет судьба оставила ей подсказку.

Такую тихую, что она почти прошла мимо нее.

На другом конце озера, скрытый туманом, кто-то стоял на полуразрушенной колокольне затопленной церкви.

Высокая фигура неподвижно смотрела в сторону баржи.
Потом медленно исчезла в серой дымке.

Ни Ева, ни Мирон этого не увидели. Но именно с этого момента за ними начали наблюдать.

Глава 5. Шторм

«Иногда мы думаем, что ищем ответы ради тех, кого потеряли. Но однажды понимаем: они уже оставили нам путь.»

Осень в Северном Береге никогда не приходила тихо. Она не предупреждала.

Не оставляла времени привыкнуть.

Еще вчера люди могли сидеть на открытых верандах, пить кофе у воды и спорить о том, будет ли зима ранней.

А сегодня небо уже опускалось так низко, будто хотело прижать весь город к земле.

Ева смотрела вперед через мокрое стекло лодки.

Берега почти не было видно.

Туман стал плотнее.

Он закрывал расстояние, стирал знакомые ориентиры, превращая озеро в бесконечное серое пространство.

Она не любила это чувство.

В детстве Алексей говорил ей:

— Вода никогда не пугает сама по себе. Пугает то, что ты не знаешь, что находится под ней.

Тогда она смеялась.

Теперь понимала, что он был прав.

— Ты слишком тихая, — сказал Мирон.

Ева не повернула голову.

— А ты слишком разговорчивый.

— Я сказал четыре слова.

— Для тебя это много.

На этот раз уголок его губ едва заметно дрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.